

ВЕРТИКАЛЬ

ВЕРТИКАЛЬ

ВЕРТИКАЛЬ

ВЕРТИКАЛЬ

ВЕРТИКАЛЬ

ВЕРТИКАЛЬ

"Вертикаль".
Отчего такое странное название выбрали мы для страниц, которые должны объединить интересы всей семьи —

всех ее поколений, каждого из ее членов? Все очень просто. Вертикаль — это линия, определяющая наше время. Мы приблизились к краю отвесной скалы и во что бы то ни стало должны не потерять равновесия.

Вертикаль — линия современного города с громадами многоэтажек и заводских труб. Города, в котором, несмотря на все трудности, мы продолжаем жить и бороться за существование.

Вертикаль — линия человека, поднявшегося с четверенек и ощутившего под ногами надежную почву.

Это линия элегантности и соразмерности. Ее можно прочертить не только снизу вверх, но и сверху вниз.

Это линия побед и падений. В ней переплетаются противоречия..

В ней — борьба противоположностей находят свое единство. Жизнь топчет и ломает нас, стремясь переделать, перековать, придать нам

горизонтальное положение или хотя бы заставить ходить перед ней на полусогнутых.

И вертикаль искривляется, гнется, ломается. Сколько не смогли выстоять в этом поединке..

Одни "перекрасились" и приспособились, другие предпочли покинуть родину, третьи — просто уйти в мир иной, ни на что больше не надеясь и ни во что не веруя.

Но надо, наперекор всему надо уметь сохранить себя и эту свою линию вопреки всем испытаниям. Вот потому мы и выбрали для семейных страниц этот противоречивый и странный символ — прямую линию, устремленную ввысь.

ГОСТИНАЯ

Главный режиссер за кадром и вне кадра

Он привез в город удивительный театр. Театр, который населил опустевшее было здание позабытым духом праздника. Он привез театр и исчез. Уехал на съемки фильма.

"Знатки" усмехались: "Ну чего вы хотите — Ахадов же кинематографист. Не драма нужна ему, а он драма. Для престижа". Но были короткие приезды, после которых в театре долго повторяли имя Валерия Ахадова: он был, он рассказывал, у него много работы... Он уезжал, но в жизни труппы постоянно присутствовал где-то рядом, "за кадром".

Заядлые театралы впервые увидели нового главного режиссера Магнитогорской драмы на премьере спектакля "Без зеркал". Потом были интервью по местному и челябинскому телевидению. На открытии нынешнего сезона Ахадов сидел в зрительном зале, мало чем отличаясь от обычных зрителей.

Наверное, так и должно быть в хорошем театре: нам не важно, как выглядит творец, если своим трудом он заставил пробудиться душу. Впрочем, возможно, я не во всем права. Ведь явно идея создать в обновленном театре нечто вроде кино клуба с представлением творческих групп "некассовых" кинолент пришлась зрителям по душе. Во всяком случае, именно так было на презентации новой работы Ахадова "Я обещаю и я уйду".

Наша встреча состоялась позже. И поскольку во вступительном слове перед просмотром картины режиссер рассказал достаточно о работе над ней, мы договорились не возвращаться к фильму. Хотя в начале разговора пришлось вспомнить сказанное в один из тех пяти вечеров:

— Валерий Бакиевич, ваш новый фильм вы сами называете картиной, рассчитанной на то, чтобы растрогать женские сердца. Не кажется ли вам, что сегодня гораздо важнее суметь тронуть сердца наших мужчин?

— Это, по-моему, сейчас, практически, невозможно. Мы озверели. Мужчины попали в ситуацию, когда они не могут обеспечить свои семьи элементарными вещами. Их, скорее, можно не растрогать, а заставить расплакаться, разрыдаться истерично, кончить жизнь самоубийством, что, кстати, и происходит зачастую из-за полного бессилия оградить семью от тягот жизни... Надо вызывать в мужских сердцах сострадание, но я не думаю, что нашу нынешнюю политику делают мужчины, которые сидят в зрительном зале. Политику делают другие. Вот тех растрогать невозможно. В период первоначального накопления капитала действуют очень жесткие правила игры.

— В начале каждого большого состояния стоит большое преступление?

— Во всяком случае, правовой и моральный беспредел. Я не занимаюсь бизнесом, но я сталкиваюсь с тем, что меня надувают знакомые мне люди, связанные с миром кино или театра. Просто не выполняют своих обещаний. Кто-то умышленно, кто-то потому, что его самого подвели... И потом, понимаете, искусство жизнь не может перевернуть. Когда я говорю, что фильм "настроен на женщин", это настроен на те два часа или еще на тот вечер, который останется после просмотра... Никогда искусство не могло переделать человека, систему, страну — это все нереально.

— Но многие художники сейчас кинулись в публицистику, забыв о том, что и в нашем прошлом было какое-то стремление к идеалам. Что вам, кстати, как режиссеру ближе: "стать с веком наравне" или, поставив на карту собственную популярность, вести зрителям разговор о вечных ценностях, которые далеко не всегда в моде?

— В своей жизни я сделал всего две, может быть, публицистические работы. Одна была связана с документальным кино. Картина, которую я очень люблю и о которой редко говорю. Называлась она "Нурек без легенд". Это была такая замечательная история о двенадцати мужчинах. От министра энергетики и электрификации СССР до рабочих, которые строили знаменитую Нурекскую ГЭС. Они после того, как ее построили, анализировали, что же произошло. И я радовался, что то, о чем я думал, мне удалось вытащить из других людей. И они обнажили не то, что большевики плохие, а социал-демократы, скажем, хорошие, а обнажили систему, в которой мы живем. Мне хотелось понять, почему в стране, где все разворовали, все неправильно построили, стоят дома, работают заводы, ездят машины, в детский сад приходят воспитатели, хирурги делают операции... Об этом и был фильм. Его, правда, так и не пустили на экран. Публицистика? Ну, наверное...

И вторая работа — постановка спектакля "Дорогая Елена Сергеевна". В какой-то степени он был, наверное, тоже публицистикой, таким "криком души". Но сам рассказ о случившемся, наше отношение к нему были из области "вечных вопросов"...

Конечно, это большая проблема "постсоветского" искусства — рассказывать про колбасу. Но любой, даже экономический вопрос, который нас мучает, если его хорошо проанализировать, насытит духом, — это тоже вопрос жизни, смерти, духа, предательства, правды — вечных человеческих ценностей.

А что мне ближе? Я об этом не задумываюсь. Просто, может быть, есть сиюминутная оценка ситуации, а есть оценка по прошествии времени. Кому-то, умному и талантливому, удается оценить современность уже сегодня очень глубоко — так, что это становится верной оценкой на долгие времена. Думаю, у меня получается все-таки не совсем публицистика. Я когда-то больше увлекся политикой, больше старался быть оценочным. А теперь меня это интересует в значительной степени меньше. Я больше иду через душу, а не через голову к людям. То, что мы сейчас начинаем делать "Чайку" — пример тому, что мы совсем уходим в сторону от сиюминутного.

— Но ту же "Чайку" можно подать в ультра-современной трактовке.

— Нет-нет-нет. Совершенно не хочу. В традициях хочу, в нормальных. Другое дело, может быть, форма будет не совсем традиционная. Но я не хочу делать из этого рассказ про сегодняшнюю жизнь.

— Говорят, что Чехов нынче не в чести. Он интеллигентно показывал мятущуюся. А наша нынешняя не сомневается. Чеховский интеллигент искал свою вину в обраблении народа, а современный не стесняется заявлять с экрана, что ему не доплачивают.

— Дело в том, что мы интеллигенция такая, бескультурная. Во втором, в лучшем случае, в третьем поколении — это уже считается "рафинированный" интеллигент. А в основном-то, в первом...

Вина интеллигенции всегда есть. Потому что она наиболее разумная часть общества. В том, что раздули конфликты национальные — кто все это начал, кто это завел? Не хочу влезать в историю. Но вспомните карабахский конфликт. Он существовал, конечно, и существует. Но, простите меня, знаменитый Аганбегян — первый, кто "дунул" туда. Зачем? Он-то сидит в теплой квартире в Москве, а то где-то где-то на Западе. А люди гибнут... Ведь достаточно было понять, что, если начался демократический процесс, его надо всячески поддерживать и сдерживать все животные инстинкты, которые, естественно, есть и которые когда-то проявятся...

У Чехова интеллигенция совсем иная. Советливая. И потом, у него, вообще, постоянно присутствует эта "загадочная русская душа", все время сомневающаяся в том, правильно ли она живет: по совести — не по совести, не обидел ли ближнего, к той ли цели идет... Чем, примитивно говоря, американец отличается от русского? Тот поставил себе целью открыть фирму — берет и открывает. Теперь, когда у нас психология меняется, мы тоже занимаемся этим. А истинный интеллигент прежде усомнится, правильный ли выбор: сделал, каждый шаг будет проверять, не наступил ли на кого-нибудь по дороге туда, чтобы остаться честным перед собой. Про это будет наша "Чайка".

— Сегодня нередко утверждают, что театр не востребован зрителем.

— По Магнитке этого как раз не скажешь. — Вы просто не видели того, что здесь было года три назад.

— Ну, в этом был виноват сам театр. Конкретный театр, который не занимался своим делом. Если человек пришел сюда, и в него здесь что-то запало, да он обязательно придет еще раз. И простит мне десять плохих спектаклей. Потому что поймет: что-то не получилось.

— Между прочим, все самые ответственные посты в нашем драмтеатре заняты мужчинами. А большую часть мест в зале занимают зрительницы. Это явление чисто магнитогорское, или на нем тоже лежит отпечаток времени?

— Женщины более чувствительны, более открыты к восприятию прекрасного. Мужчины больше пьют, устают. А сейчас особенно. Даже люди богатые. У тех, кто занимается коммерцией, нет ни суббота, ни воскресений — они постоянно в стрессе, в напряжении. Каждый миг может рухнуть капитал. Нестабильно же все.

Для меня большинство женщин в зале — это естественно. Я и направление такое держу. Тем, что поставили ряд мелодрам, мы привлекли зрительниц. А теперь, я уверен, на более сложном спектакле "Чайка" у нас будет аудитория. У театра должно быть столько зрителей, сколько у него есть. Хотя, например, с помощью нашего кинозала, кино клуба (не знаю пока, как это точно назвать) мы тоже надеемся расширить их круг. Только я ни в коем случае не хочу, чтобы это стало еще одним кинотеатром. Мы хотим, чтобы каждый раз картина приезжала в город с авторами или с одним из авторов. Пусть зритель не только посмотрит те картины, которые он не сможет увидеть в другом месте, но и познакомится вживую, лицом к лицу с нормальными творцами. Для них это тоже будет интересно.

— А не придется загубить идею на корню из-за обыкновеннейшей нехватки средств? Картины-то вы собираетесь представлять "нерентабельные"...

— Даже если не будет выгоды, мы это все равно будем делать. Тут я пойду на поклон к

какой-нибудь коммерческой структуре, попрошу покрыть расходы, помочь нам. Но думаю, все-таки удастся свести концы с концами.

— Вы верите в то, что из среды нынешних предпринимателей смогут выйти те, кто, действительно, поднимет нашу культуру, а не довершит разрушение нравственных основ общества?

— Смогут. Это тоже объективный процесс. Обратите внимание: ведь их дети уже обучаются музыке, языкам... Отец вряд ли способен наслаждаться симфонической музыкой, ему некогда от Бетховена кейфовать. Но он хочет, чтобы его ребенок это мог...

— Проще отправить ребенка учиться в Америку, чтобы он там слушал наших же музыкантов, уехавших в бессрочное турне.

— Ничего. Не все уедут туда. Или уедут — приедут. Все равно генетически должно все выровняться. А вы знаете, сколько артистов и режиссеров уже стало бизнесменами? Очень много людей из сферы искусства, почувствовав, что не смогут сделать ничего, потому что не хватит денег, ушли в бизнес. Причем, довольно успешно работают, потому что у них мозги конструктивные — они умеют писать сценарии, режиссировать, влиять на умы. Очень многие заработали честное имя и сейчас имеют право им "торговать"... Искусство не пропадет. Никогда. Здесь просто очень сильный творческий потенциал у этой территории, у этой земли...

— Ну что ж, имя главного режиссера театра Валерия Ахадова у магнитогорцев уже на слуху, но еще не у всех "на виду". Прошлый год был занят киносъезками. Увидим ли мы вас в Магнитке в этом году?

— А вы думаете, что сейчас разговариваете с моим двойником? Ладно. Если серьезно, у меня осталось одно — завершить работу над картиной, которую мы с театром, с городом делаем и с которой надеемся получить прибыль. Съёмки окончены. Остались монтаж и озвучание. Все.

Сейчас у нас в работе сразу пять спектаклей. Я сюда каждую свободную минутку налетаю. Численно труппа, вроде бы, укомплектована. Но формирование ее далеко не закончено. Это же как футбол или хоккей — нужно суметь переманить людей. Но, я думаю, постепенно все решится. Не все сразу. Мы намереваемся моей семьей жить. Хотя, вот можете у меня жены спросить, я никогда не жил на одном месте. Это нормально для творческого человека, что он живет как бы везде. Конечно, есть дом, но ты всегда в динамике. И это лучше для театра. Вот почему говорят, что у режиссера "провинциальный взгляд"? Потому что, если считаешь себя первым парнем на деревне, этим доволен. А надо, чтобы в "деревню" все время приезжали другие, и самому не сидеть на месте. Тем более, что Магнитогорск — далеко от деревни. Главное, здесь есть для кого работать, иначе бы ни я, ни театр здесь не прижились. Нам приятен зал, который нас принимает и чувствует. А больше ничего и не надо: Главное — это глаза людей, когда видишь, что они взгрустнули, засмеялись или улыбнулись, кому-то стало легче, кто-то немного поперехаживал, очистился. Вот, это радость — то творца...

Через два дня Ахадов вновь улетал в Москву. Показать ему это интервью в законченном виде я так и не успела. А он, как человек, уверенный в своих словах, сказал, что полагается на диктофонную запись. Иного выхода нет. И пошутил:

— Если чего-нибудь напугаете в тексте, придется больше с вами не связываться...

Теперь он вернется в Магнитку, ближе к апрелю, после того, как завершит работу над "Личной жизнью королевы"... А может, это просто так задумано: частые отлучки главного — тест на жизнеспособность нашего театра? Ведь счастливы те, к кому идут не ради "имени", а потому что рады встрече. Тем более, что главный режиссер — кинематографист Ахадов — все равно остается рядом с нами. За кадром...

В. ЗАСПИЧ.
Фото Ю. ПОПОВА.

